

Министерство образования Российской Федерации
Волгоградский государственный педагогический университет

Кафедра всеобщей истории

**ДРЕВНИЙ РИМ
В РОССИЙСКИХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ
ИССЛЕДОВАНИЯХ**

**Учебно-методическое пособие
к спецкурсу
для студентов специальности
«История»**

«Перемена»
Волгоград 1993

ДРЕВНИЙ РИМ В РОССИЙСКИХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: Учеб.-метод. пособие к спецкурсу для студентов специальности «История»/ Сост. Летяев В.А.— Волгоград: Перемена, ВГПУ, 1993. — 29 с.

Представлены авторская концепция основных тенденций развития дореволюционной российской романистики, основная проблематика исследований, методические рекомендации для студентов, вопросы к ним, ссылки на рекомендованную литературу. Для студентов всех форм обучения специальности «История».

Составитель Летяев В.А., к. ист. н., доц.

Рецензент Абалихин Б. С. д. ист. н., проф.

Обращение к античности в России было связано первоначально с интересом к древнегреческой культуре, воздействие которой происходило через посредство культуры Византии, в особенности после принятия на Руси православия. Киевскую Русь отличало знакомство с древнегреческим языком; знание его было присуще элите многих славянских государств. Облегчало его изучение самое близкое знакомство с кириллицей. Культура же западного Средневековья, как известно, развивалась на почве латинского языка, римской культуры в большей степени. Между тем, влияние греческой «гармонической души» античной культуры на Русь безусловно сказалось на том, что восточно-славянские народы не ощущали себя в отрыве от европейской культуры, напротив, именно в единстве с западно-европейским христианством, несмотря на церковный раздел в 1054 году. Киевские князья не случайно искали опору на Западе еще до эпохи Петра I, ощущая, на наш взгляд, именно это духовное родство. В связи с этим весьма странным представляется появление в западной литературе шпенглеровского предубеждения, согласно которому Россия воплощала собой апокалиптическую ненависть к античной культуре. Ей это было явно не свойственно.

Переориентация предпочтений в пользу римской истории и культуры в России происходила постепенно. Так, на рубеже XV—XVI вв. по мере складывания централизованного государства среди русских книжников стали возникать историософские теории о том, что Москва должна занять место Константинополя как центра мировой истории. Эти идеи нашли отражение в памятниках древнерусской духовной жизни: «Повесть о новгородском белом клобуке», «Сказание о Вавилоне-граде», «Сказание о князьях Владимирских». В них Москва представлялась «третьим Римом», обосновывалось право русских царей на византийское наследство. После падения Константинополя в 1453 году эти идеи были широко распространены на Балканах как символ общеславянского единства и манифест в борьбе с Турцией. В XVI в., все более ориентируясь на Запад, обосновывая свои потребности в выходе к Балтийскому морю, Россия выдвинула

новую идею о том, что московские цари — потомки и наследники императора Августа. Концепция западного происхождения царей нашла выражение в «Царском Титулярнике», составленном при Алексее Михайловиче [1а].

Истоки же глубоких исторических представлений как о греческой, так и о римской античности в российском обществе были связаны, безусловно, с многочисленными переводами на русский язык сочинений античных авторов. Переводчиков и издателей привлекали прежде всего темы, связанные с Римской империей, деятельностью императоров, а из истории Греции — Троянская война и личность Александра Македонского. По мере распространения знаний об античном мире сюжеты из его истории все чаще стали проникать в исторические сочинения. Первым против распространенной в русской историографической традиции точки зрения выводить Рюрика из Пруссии, как потомка Августа, выступил Г.З.Байер. Затем критика этой теории была продолжена Ю. Крижаничем, Г.Ф. Миллером, А.Л.Шлецером. М.В. Ломоносов, обосновывая критику взглядов норманистов, привлек сочинения Непота, Катона, Плиния, Тацита, Ливия, Иордана. При этом он призывал русских историков подражать лучшим образцам античного историописания. В своей «Древней Российской истории» он, сравнивая римскую историю с русской, определил V в. н.э. как рубеж между древней историей и временем «средних веков». В связи с проблемой гражданской власти и самодержавия в Древнем Риме, он поднял вопрос о борьбе славян с римлянами. А.Н.Радищев в своей «Песне исторической» также обращался к римской истории. Общее увлечение античностью в век Просвещения становилось неотъемлемой частью русской духовной жизни и образованности. К сюжетам из римской истории обращались В.Н.Татищев, Н.М.Карамзин. Необходимо заметить, что политические убеждения декабристов во многом складывались под влиянием произведений Плутарха, Непота, Ливия, Тацита. Скептические высказывания П.Я. Чаадаева об античной культуре, ее отрицательной роли в мировой цивилизации представляют интерес хотя бы уникальностью таких оценок, но исторические взгляды этого оригинального русского философа в данном аспекте не исследованы.

По отношению к тем, кто изучал классическое наследие, в тот период складывались традиции меценатства.

В целом распространялся любительский подход, но при этом осуществлялось немало переводов сочинений античных авторов, развивалось их изучение [1б].

В рамках же академической науки сложилось так, что классическая филология и всеобщая история, занимавшиеся изучением античности, еще в 30-40-х гг. XIX в. находились в ведении иностранцев. В Академии наук а также в университетах по большей части сотрудничали немцы (Грефе и Фрейтаг в С.Петербурге, Фатер и Струве в Казани, Нейкирх и Дёллен в Киеве и др.). В Главном педагогическом институте, который готовил гимназических учителей для всей России, лекции по всеобщей истории, например, читались на немецком языке, так как читавший их Лоренц не владел русским. "В Западной Европе тогда укоренилось мнение, — отмечал русский историк В.И. Модестов, — что русские не способны к высшей науке, и что вся наука, какая у нас есть, за исключением математики, где русские имена (Лобачевского, Остроградского, Чебышева) кое-что говорили о русском уме, находится в руках иностранцев, по преимуществу немцев" [2]. Русское правительство поощряло это засилье иностранцев и мелкотемье их исследований, было заинтересовано в изоляции русских людей от науки, чтобы воспрепятствовать проникновению современных идей из Западной Европы. Это не могло пагубно не отразиться на развитии историко-филологических (их классической ветви) наук в Академии, и в российских университетах.

Ситуация изменилась в 40-е гг., когда стали возможны научные командировки молодых российских ученых за границу «для приготовления к профессорскому званию». Начали устанавливаться постоянные контакты между российскими и западно-европейскими научными учреждениями, активизировался процесс подготовки кадров антиковедов, из классических филологов и всеобщих историков. Из первых вышли Н.М. Благовещенский и П.М. Леонтьев, а из вторых — М.С. Куторга, Д.Л. Крюков, С.В. Ешевский [3]. Это представители русских ученых, возвратившиеся на родину обогащенными новейшими философскими идеями и научными достижениями, передовой методикой. Отечественная наука, заметил об этом времени историк В.Далин, «...жадно впитывала в себя каждое "последнее слово Европы"», обладала «превосходной осведомленностью» на счет всех новейших теорий исторического развития, чрезвычайно тщательно и критически взвешивала их значение, их применимость к пониманию русского исторического процесса, настойчиво выясняла его общие с Западом и особые, глубоко отличительные черты. С наибольшей ясностью это сказалось впервые на рубеже 20—30-х гг. XIX вв., именно тогда выступил Гизо и вся новая школа французских историков [4].

Н.М. Благовещенский в течение двух лет обучался в Лейпцигском университете у Г.Германа, В. Беккера, М. Гаупта, Р. Клода, В.Шталльбаума, А. Вестермана [5]. П.М. Леонтьев учился в Берлинском университете у А. Бека, К. Лахмана, Ф. Шеллинга [6]. Состояние развития классической филологии в Германии (разные направления исследований) оказало влияние на молодых русских ученых, а через них и на отечественную науку об античности. Уже тогда Н.М. Благовещенский в Лейпциге, а П.М. Леонтьев в Берлине стали очевидцами борьбы, развернувшейся между А. Бекком, основателем эпиграфической школы, последователем Вольфа и знаменитым в то время лейпцигским профессором Г.Германом. «А. Бёк,- писал историк В.П. Бузескул, — был против узкого, чисто грамматического направления, против буквоедства, против отчуждения филологии от жизни» [7]. Напротив, Г. Герман, считавшийся главой «грамматико-критической школы», видел задачу классической филологии только «...в изучении и объяснении памятника со стороны языка...По поводу *Corpus Inscriptionum Graecarum* Герман написал суровую критику. Завязалась горячая полемика, которая продолжалась долгие годы. Это была не только личная вражда, — заметил В.П.Бузескул, — это было столкновение двух направлений в филологии — историко-антикварного (историко-антикварным это направление в Германии называл и И.В. Помяловский (см.: Помяловский И.В. Переписка между А. Бёком и О. Мюллером // ЖМНП. 1884. Ч. ССXXXI.Кн. I. С. 131) и грамматико-критического» [8]. Только в 1846 г. оба противника протянули друг другу руки.

Борьба направлений, развернувшаяся в немецкой классической филологии, повлияла и на ориентацию Н.М.Благовещенского и П.М. Леонтьева в сторону противников исключительно грамматического подхода к изучению древности. Н.М. Благовещенского в этом окончательно убедил третий год командировки, проведенный им в Гейдельбергском университете. Большой славой там пользовался Крейцер. Ученик Н.М. Благовещенского И.В. Цветаев так писал в очерке о нем: «Влиянию этого профессора (Крейцера — В.Л.) г. Благовещенский обязан тем живым интересом к художественной археологии, который с самых первых пор своей учено-литературной деятельности он сохранил до дней маститой старости...» [9]. А профессор Казанского университета Н.Н. Булич, вспоминая научно-преподавательскую деятельность Н.М. Благовещенского, отмечал, что Н.М. Благовещенский «...остался верен себе и тому направлению науки, которое он усвоил в строгой германской школе. Ничего подобного до него не было в Казанском университете» [10].

Борьба с грамматическим направлением в классической филологии в России носила длительный характер. Сторонники грамматико-критической школы Г.Германа в России были, главным образом, немцы. Сущностью их подхода было представление о классической филологии как о науке, предметом которой должно быть только грамматическое изучение сочинений античных авторов.

Н.М.Благовещенский и П.М. Леонтьев по возвращении из-за границы в 40-е гг. XIX в. стали придерживаться иного, расширительного толкования предмета, источников и методов своей науки, утверждая вместо грамматико-критических традиций историко-культурную направленность. Изучение древних классиков, считали они, должно находиться «в связи с учреждениями, нравами, всем бытом древних народов» [11]. Кроме того, ими ставилась задача в противовес традиционному грамматическому подходу к изучению и объяснению сочинений античных авторов поставить в центр внимания ознакомление общественности с современной наукой с целью подготовить почву для её развития в России. Этому должен был служить научно-популяризаторский сборник «ПроPILEи», издававшийся по инициативе П.М. Леонтьева, профессора Московского университета [12], и при поддержке Н.М. Благовещенского, преподававшего в Казанском университете, а затем получившего профессию в университете С. – Петербургском [13].

В эти же годы традиционно продолжала изучаться политическая история древнеримского государства, при этом уже появились и первые работы по социально-экономическим вопросам. Д.Л. Крюков начал плодотворно применять в своих трудах историко-критический метод Б.Г. Нибура. Широкую известность в России, а также за рубежом, получила его работа «Мысли о первоначальном различии патрициев и плебеев в религиозном отношении», изданная на немецком языке в 1849 г. в Лейпциге, а затем переизданная в «ПроPILEях» в 1853 г. [14]. Д.Л. Крюкова, как ранее А. Куницына, заинтересовали тогда и вопросы рабства. Давая рационалистическое объяснение этому явлению, Д. Крюков отмечал и его прогрессивный характер [15]. В 50-е гг. в науку вошел С.В. Ешевский. Наибольшую известность получила его работа «Центр римского мира и его провинции». Этот университетский лекционный курс, опубликованный им в «Вестнике Европы», стал первой в науке того времени работой, посвященной исследованию римских провинций. Он был подготовлен значительно раньше того, как к этим вопросам обратился в V томе своей знаменитой «Истории Рима» Т.Моммзен [16].

Развитие новых явлений в изучении истории и духовной жизни римской античности, начавшееся в 40-е гг. XIX в., было замедлено в 50-е гг., когда стали ограничиваться, а затем и прекратились возможности для научных командировок за границу как для завершения образования, так и для ознакомления с развитием науки на Западе. В России стал ощущаться недостаток научно-преподавательских кадров в университетах. По мнению В.И. Модестова, связавшего этот процесс с политическими причинами, опустение на многих кафедрах в 50-е — начале 60-х гг. «...стояло в очевидной связи с наступившим после французской революции 1848 г. ограничением, а затем и совершенным прекращением командировок молодых ученых в Западную Европу для довершения их научного образования. Наука в России того времени была сама по себе еще очень слаба; преподавание в университетах, совершавшееся по установленным программам и обязанное придерживаться известных руководств было лишено жизни и научной глубины; русских ученых журналов, которые бы знакомили с научным движением в Европе, почти не существовало, а иностранные книги приходили в редкие и очень неправильные промежутки. При таких условиях делаться ученым на отечественной почве становилось очень трудно, и восстановление живого общения с теми научными центрами, где наука жила широкою жизнью, было для молодых русских ученых делом безусловной необходимости» [17].

Менее радикальная, но сходная оценка причин замедления развития науки в России высказана и в официальном разделе «Журнала Министерства народного просвещения» за 1863 г., где указывалось на «...недостаток хороших профессоров, происшедший от стеснения молодых ученых в возможности довершать свое образование за границей и от излишней сложности экзаменов на высшие степени, что, вместе взятое, привело к опустению кафедр, с другой — на равнодушие профессоров к интересам университетов и науки вообще... Такое равнодушие вызвано отчасти устранением ученых коллегий от суждения и распоряжения по делам, относящимся к вопросам, связанным с жизнью университетов и, наконец, не всегда удовлетворительным состоянием ученых коллегий» [18].

Таким образом, к концу 50-х—началу 60-х гг. общественно-политическая ситуация, сложившаяся в России, значительным образом повлияла на замедление темпов и профессионализма в научных исследованиях в области истории античного мира.

Революционная ситуация 1859–1861 гг. привела к изменениям в общественно-политической сфере, во всех сферах жизни. Время не-

избежно требовало развития научных знаний. В этих условиях широкий размах получили исследования по истории античности. Предпосылки для этого сложились следующие:

— во-первых, появление с начала 60-х гг. постоянно пополняющейся большой группы ученых, прошедших основательную подготовку в передовых европейских научных школах в связи с возобновлением заграничных научных командировок для подготовки к получению ученой степени. Обогащение новыми философскими идеями, исследовательской методикой, бесценным материалом источников, в том числе новых их видов, не могло не поднять значительно общий уровень исследовательской работы, придавая ей научный, историко-критический характер;

— во-вторых, именно с 60-х гг. на постоянной основе стал развиваться интернациональный процесс между российской наукой и наукой в Западной Европе (научные командировки за границу приват-доцентов и профессоров, переписка с коллегами за рубежом, участие в международных научных съездах, взаимное содействие в сборе источников, взаимообогащение идеями);

— в-третьих, уже в 60-е гг. началось активное включение российских ученых в исследование труднейших проблем в европейском антиковедении, в особенности проблем древнейшей истории Италии и Рима, источниковедения римской истории, социально-экономических проблем. Некоторые из отечественных ученых — П.Г. Виноградов, В.И. Модестов, Д.М. Петрушевский, И.В. Помяловский, М.И. Ростовцев, И.В. Цветаев — создали оригинальные научные труды в области изучения Рима, ставшие вкладом в мировую науку;

— в-четвертых, в 1863 г. в России был принят университетский Устав, дававший высшим учебным заведениям самоуправление, что также способствовало созданию в стране иной, благоприятной для развития науки ситуации. Таким образом, в 60-е гг. XIX в. в России были заложены основы для качественно иного, историко-критического изучения древнеримской истории. Это позволило дореволюционной общественной науке через кардинальные в ней методологические изменения образовать целую плеяду видных российских ученых, исследования которых получили широкое европейское признание. Сходные оценки 60-х гг. XIX в. как «нового периода» в развитии антиковедения и исторической науки в России содержатся в ряде работ дореволюционных и советских ученых [19].

Молодые ученые, посылаемые в Западную Европу, устремлялись прежде всего в Германию. В этой стране находились ведущие научные школы, разрабатывались новые методики, вводились в научный

оборот вещественные источники. Особой славой пользовался профессор Берлинского университета Теодор Моммзен, имевший большое число учеников из России. В разное время его школу прошли Ю.А. Кулаковский, М. П. Драгоманов, М.И. Ростовцев (он кроме того занимался археологией у профессора Бендорфа и учился в эпиграфическом семинаре у профессора Бормана в Вене и в Германском Археологическом институте у профессора Дёрпфельда), П.Г. Виноградов [20]. Своим заочным учителем Т.Моммзен считал И.М. Гревса [21]. Слушал лекции у знаменитого немецкого ученого В.И. Модестова, который придерживался близких исследовательских принципов, однако постоянно вступал с ним в полемику. Творческой личности Т. Моммзена он посвятил несколько статей, в которых давал высокую оценку его научных заслуг [22].

Славу Берлинского университета составлял также знаменитый Август Бёк, подготовку у которого ещё в 30-е гг. прошли П.М. Леонтьев и Д.Л. Крюков. А П.И. Аландскому принадлежат русский перевод и комментарий к книге А. Бёка «Энциклопедия и методология филологических наук», изданной в Киеве в 1879 г. У М. Гаупта слушали лекции В.И. Модестов и И.В. Помяловский [23]. В 1903 — 1904 гг. в Берлине у Э.Мейера учился Э.Фельсберг [24].

В Боннском университете осваивались новейшие приемы филологической критики, исторический подход к изучению языка и текста древних рукописей, использованию надписей. «Два лица составляли силу и гордость этого университета в области науки о классической древности: Ричль и Отто Ян, — вспоминал В.И. Модестов» [25]. Фридрих Ричль имел многочисленных и известных учеников, среди которых были Т.Моммзен, Риббек, Гюбнер, Ф. Бюхелер, Бернайс, Кейль, Квичала, Рейферштейд, Ине, Киселинг, Овербек, Гельбиг, Вален. А из русских учеников в Бонне нам удалось выявить В.И. Модестова, прошедшего школу у Ф. Ричля в начале 60-х гг. XIX в. [26]. У ученика Ф. Ричля, профессора Ф.Бюхелера, учился И.В. Цветаев [27]. Ф. Ричль же в 70-е гг. преподавал уже в Лейпцигском университете, где у него прошел подготовку И.В. Помяловский [28]. Единомышленником Ф. Ричля в Бонне был Отто Ян, ученый чрезвычайно широкого научного профиля. Он ещё с конца 30-х гг. XIX в. в составе большой группы немецких ученых включился в работу Германского археологического института в Риме вместе с Визе, Курциусом, Брунном, Стефани, братьями Моммзенами, Китлем, Фридендером и др. [29].

Молодые ученые из России стажировались и в Брюсселе. Так, в Социологическом институте Сольвея учился В.И. Синайский,

юрист, впоследствии профессор, автор монографии «Очерки из истории землевладения и права в Древнем Риме» [30].

В Германии во второй половине XIX в. господствовали филологические методы изучения древности, успешное применение которых в трудах Ф.Вольфа, Б. Нибура, А. Бёка находило многих последователей. Значительно расширил рамки и глубину познания римской истории Т.Моммзен, обратившийся к достижениям итальянских учёных. Он стал применять археологический материал к критике письменных нарративных источников. Археологическими исследованиями в области римской истории тогда занималась главным образом итальянская наука, в которой в то же самое время появлялись труды Мариани, Висконти, Боргезе. В Италии русских исследователей Древнего Рима ожидала самостоятельная работа. «...В её истории, в остатках её древней культуры, в её музеях и библиотеках, в её географии и топографии» [31] находили преимущественный материал для своих занятий В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев, М.И. Ростовцев. Не случайно профессор И.В. Помяловский давал своим слушателям в С.-Петербургском университете наставление «поучиться» именно в Германии, но «поработать» в Италии [32].

Прекращение изолированности российского антиковедения имело определяющее для его развития значение. «Через два-три года, проведенных в живейшем общении с современной наукой, — вспоминал один из стипендиатов Министерства народного просвещения, — молодые люди возвращались в Россию. Составляя диссертации, вступая на кафедры, они естественно вносили и в свои научные труды, и в университетское преподавание новые взгляды и иные приемы обращения с наукой, приёмы исследования и преподавания. Это почувствовалось сразу и не могло не вызвать и на нашей почве университетского обновления и научного движения» [33].

Уже в 60-е гг. в отечественной науке стали появляться труды, которые значительно отличались от работ предшественников. Так, докторская диссертация В.И. Модестова о римской письменности в период царей, защищенная им в 1868 г. в Казанском университете, даже среди его соотечественников вызвала споры. Сам учёный объяснял это как отсутствием специалистов, так и, как он выразился, «...отсутствием привычки к самостоятельной мысли в науке со стороны наших отечественных ученых» [34]. По мнению диссертанта, в русском антиковедении сложилась тогда привычка «...обыкновенно приставать по разным вопросам науки к лагерям большинства её представителей на Западе» [35]. Основательное изучение всего тогдашнего комплекса источников, связанных с римской письменностью

стью, привело русского ученого к необходимости высказать свои взгляды именно в то время, когда в европейской науке господствовало скептическое отношение к историчности самого этого периода.

Учитывая, какое влияние на русскую науку имеют теории западных ученых, В.И. Модестов писал в предисловии к диссертации: «Обстоятельство, которое привело нас к рассмотрению этой задачи, заключается в приобретении нами твердого убеждения, что господствующий взгляд, относящийся к этому времени с самым отчаянным скептицизмом, не имеет для себя прочных оснований. Убеждение это...поддерживали в последнее время люди замечательной эрудиции, как Брёккер, Герлах и Ампер. Каждый из этих ученых сделал с своей стороны хоть какие-нибудь границы распространявшемуся всё более и более, в особенности в Германии, и уже совсем бесплодному, скептицизму относительно древнейшей римской истории» [36].

Отмечая положительные черты самого критического метода в классической филологии, так успешно примененного Б.Г. Нибуром, В.И. Модестов заметил, что «восстановление истории по внушению своего гения», причем только на основе нарративных текстов, может привести к большому произволу в науке [37].

Аргументируя свою позицию наблюдениями над материалом вещественных источников по римской истории, В.И. Модестов писал: <<Диссертация моя "Римская письменность..." не имеет прямой цели доказать достоверность или недостоверность первоначальной римской истории, но она вызвана глубоким убеждением в несостоятельности нибуровского направления. После многих размышлений, возникших во мне в особенности в бытность мою в Риме, где я собственными глазами всматривался в памятники архитектуры давно минувшей эпохи, из которых некоторые относятся еще к периоду римских царей, равно как и после внимательного изучения преданий, относящихся к первоначальной римской истории, я стал убеждаться всё более в том, что история эта хотя и не совсем чуждая вымыслов, как и первоначальная история всякого народа, но она опирается на источники иногда весьма красноречивого свойства>> [38].

Концепция В.И. Модестова не получила тогда поддержки даже у его учителя Н.М. Благовещенского; диссертация не была представлена к защите в С.-Петербургском университете, где, несмотря на заранее опубликованные критические отзывы Н.М. Благовещенского, она получила одобрение [39].

За рубежом в это время господствовали иные представления. На принципах скептицизма основывались многие высказывания Т. Моммзена. Так, И.В. Нетушил писал, что Т. Моммзен в своей «Рим-

ской истории» не оставил места «ни для этрусков в Лации, ни, в частности, для тарквиниев в Риме» и т.д. [40]. «Глубокая эрудиция, но крайний субъективизм» были присущи работам Этторе Пайса, в частности, его истории Рима, а также работам Ламбера и Зигвардта и др.

Против скептических представлений Т. Моммзена, в частности, в вопросе об этрусках, что требовало определённого мужества, так как немецкий ученый находился на вершине славы и практически не имел научных противников, высказался его русский ученик и последователь Ю.А. Кулаковский [41]. Позднее обстоятельное исследование об этрусках и о господствующих по этой проблеме теориях в науке было предпринято В.И. Модестовым. Он, а также И.В. Нетушил и М.И. Ростовцев выступили против гиперкритических подходов к изучению Римской истории в работах Э. Пайса [42].

Процесс собирания эпиграфических источников очень подробно представлен в книге выдающегося русского эпиграфиста И.В. Цветаева «Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг.». Собирая материал для своего сборника оскских надписей в 1874 г., он в течение 15 месяцев объездил древние области Самния, земли рентанов у Адриатического моря, Апулии, Кампании и части Сицилии [43]. Задумав собрание оскских надписей, И.В. Цветаев обратился к большому авторитету в области эпиграфики — директору Неаполитанского музея Дж. де-Петре. По истечении семи месяцев основательного обучения техническим приёмам работы с надписями, выполненными на различных материалах, русский учёный уже смог самостоятельно приступить к собиранию и составлению этого уникального сборника. «С надписей, вырезанных на камнях, описывал И.В. Цветаев технику своей работы, — обыкновенно снимались бумажные слепки (calco, Abklatsch), с дипинт были делаются возможно тщательные снимки (lucido), где было удобно и фотографии. Надписи на бронзе и свинце, не поддававшиеся этим способам, копировались рукою нашего друга г. Honore-Muller или под нашим личным наблюдением или по отношению к двум-трем надписям под руководством Gylio de Petra, директора национального музея в Неаполе и Antonio Sogliano, заведовавшего раскопками в Помпеях. ...В собирании надписей, находящихся в других странах, И.В. Цветаеву тогда оказали помощь профессор А.В. Прахов (Эрмитаж), A.S. Murrau (Британский музей), профессор Мюнхенского университета H. Brunn и секретарь Мюнхенской королевской библиотеки Wilhelm Meyer (Берлинский Antiquarium), магистрант В.Г. Зубков, изготовивший кальки надписей из Лувра и описавший их [44].

И.В. Цветаев вспоминал, что де-Петра лично ездил с ним в Помпеи, помогая в поисках следов каких-либо самнитских надписей. Именно он указал ему тогда на те надписи, которые должны были быть обследованы подробнее других, по нескольку раз и при разном освещении [45]. Дж. де-Петра помогал И.В. Цветаеву при путешествии по Германии, а также и после возвращения последнего в Россию. По его просьбе де-Петра пересылал ему факсимиле недостающих надписей, за изготовлением которых итальянский учёный лично наблюдал и даже взял на себя редакцию [46].

Большую помощь в собирании фалисских надписей И.В. Цветаеву оказал и Р. Гарруччи, один из наиболее видных представителей итальянской археологии. Научные связи с Р. Гарруччи оказались очень плодотворными. Итальянский учёный щедро делился с И.В. Цветаевым советами и книгами из своей библиотеки. И.В. Цветаеву не только была предоставлена возможность изготовить копии тех надписей, которые находились в личной коллекции Р. Гарруччи [47], но и повсюду в Италии ему оказывалась помощь в собирании надписей.

Впоследствии, уже будучи директором Музея изящных искусств, профессор И.В. Цветаев стремился обогатить московское музейное собрание эпиграфическим материалом. Его личные связи в научном мире помогли ему получить от директора Музея Ватикана профессора Оразио Маруки несколько эпиграфических памятников [48].

И.В. Цветаев вёл, начиная с середины 70-х гг., переписку со многими ведущими учёными Западной Европы, такими, как Л. Аве, Ф. Барнаби, Бертолиус, Бухелер, Н. Гельбиг, В. Генцен, В. Декке, Дрессель, А. Мартинелли, Овидио, Дж. де-Петра, А. Фабретти [49].

Таким образом, отечественная романистика, испытав непосредственное воздействие достижений западно-европейской науки, в исследовании ряда проблем заняла в те годы приоритетные позиции.

Изучение римской истории в России длительное время сосредоточивалось в высших учебных заведениях — в С.-Петербургском, Московском, Казанском, св.Владимира, Харьковском, Варшавском, Юрьевском, Новороссийском университетах, а также в Историко-филологическом институте в Нежине. Среди них ведущее место в подготовке научных кадров и в исследовательской работе занимали С.-Петербургский и Московский университеты.

В университете С.-Петербурга во второй половине XIX — начале XX вв. научно-преподавательскую деятельность в разное время вели такие известные профессора, выпускники этого университета, как Ф.Ф. Соколов, И.В. Помяловский, В.И. Модестов, М.И. Ростов-

цев, И.М. Гревс, Э.Д. Grimm. В этом университете учились И.В. Цветаев, П.И. Аландский, Н.М. Бубнов. М.И. Ростовцев, будучи одновременно преподавателем на Высших женских курсах, руководил научной работой слушательницы этих курсов Ф.М. Нахман. Научно-преподавательскую работу здесь также длительное время вёл первый российский историк-антиковед М.С. Куторга. Именно в С.-Петербургском университете зародилась школа эпиграфики по греческой истории под руководством Ф.Ф. Соколова, магистерская диссертация которого была посвящена ранней истории Сицилии. А постановкой основательного изучения здесь римской эпиграфики занимался И.В. Помяловский. С разработкой новых видов источников была связана деятельность также В.И. Модестова и М.И. Ростовцева. Именно в этой области они добились ощутимых научных результатов. Между тем плодотворно здесь занимались изучением и других вопросов. Так, труды И.М. Гревса были посвящены социально-экономической истории древней Италии, государственно-политической историей Рима занимался Э.Д. Grimm.

Московский университет стал центром по изучению социально-экономических проблем, причём не только по римской истории, а главным образом по истории средних веков, истории России. Именно здесь, в Московском университете, формировалась «русская историческая школа» всеобщих историков и зародилось социально-экономическое направление. Москва в 60—70-е гг. была центром русского буржуазного либерализма, а в её университете сохранялись традиции Т. Грановского [50]. С этим учебным заведением была связана научно-преподавательская деятельность таких видных российских историков, как М.М. Ковалевского, Н.И. Кареева, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера и др., значительное воздействие на формирование которых оказали Д.И. Каченовский, С.М. Соловьев, В.И. Герье. Изучением собственно римской истории здесь занимались С.В. Ешевский, П.М. Леонтьев, П.Г. Виноградов, Д.М. Петрушевский, И.В. Цветаев, Л.А. Комаровсий, Г. Пригородский, В. Запольский, частично В.И. Герье, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер. Выпускником Московского университета, оставленным здесь для подготовки к профессорскому званию, был М.М. Вольский. В Благородном пансионе при университете учился Ю.А. Кулаковский. Все вышеперечисленные ученые, за исключением И.В. Цветаева, интересовались социально-экономическими вопросами.

В Харьковском университете складывалась группа ученых, занимавшихся изучением государственно-политической истории Рима. Это прежде всего И.В. Нетушил, П.Ю. Куль, Е.А. Черноусов.

И.В. Нетушил был известен своими работами по ранней истории Рима и в особенности трехтомным трудом «Очерк римских государственных древностей» [51]. Здесь, в университете, он стал научным наставником П.Ю. Куля, который под влиянием своего учителя подготовил и опубликовал монографию о провинциальных собраниях римлян. Автором «Очерков по истории Римской империи» стал преподаватель этого университета Е.А. Черноусов.

В Казанском университете в разное время работали В.И. Модестов и Э.Д. Grimm. Но их научно-преподавательская деятельность здесь не была длительной. В этом университете не сложилось в те годы приоритетов в области изучения римской истории, чего нельзя сказать об изучении истории Древней Греции. Однако именно здесь, в Казани, защитил докторскую диссертацию «Римская письменность в период царей» В.И. Модестов [52].

С университетом св. Владимира в Киеве была связана деятельность таких известных романистов, как М.П. Драгоманов, В.И. Модестов, Ю.А. Кулаковский, П.И. Аландский, И.В. Цветаев. Последние четверо занимались ранней римской историей. Кроме того, вопросы государственно-политической истории привлекали М.П. Драгоманова и Ю.А. Кулаковского. Руководивший кафедрой римской словесности, В.И. Модестов был инициатором привлечения в киевский университет И.В. Цветаева из Варшавского университета и П.И. Аландского из С.-Петербургского университета [53]. В киевском университете с 1905 г. работал преподавателем всеобщей истории Е.А. Черноусов, впоследствии перешедший в Харьков, а также специалист по истории средних веков, автор Публичной лекции о «римском вече» накануне падения республики, Н.М. Бубнов, 1891 г. э.ординарный профессор всеобщей истории. В 1911 г. на кафедру торгового права из Юрьева перевёлся профессор В.И. Синайский, известный исследователь римского землевладения. В Киеве, правда, в духовной Академии, работал автор труда по римскому рабству э.ординарный профессор кафедр общей и гражданской истории, истории западнорусской церкви Н.Ф. Мухин [54]. Киевский университет в 1896 г. закончил преподаватель всеобщей истории Л.Н. Беркут, чья деятельность затем была связана с Варшавским университетом.

В нем, в Варшавском университете, ректором которого в 1872—1883 гг. был Н.М. Благовещенский [55], работал его ученик И.В. Цветаев, занимавшийся тогда творчеством Тацита. Здесь же работали С.И. Алексеев, М.И. Белоруссов, Л.Н. Беркут, Ф.М. Дадынский. Первые двое исследователей проявили интерес к изучению социально-экономической истории (долговой вопрос в Риме и колонат) [56], послед-

ние — к государственно-политической (городские общины, император Адриан) [57]. Ф.М. Дадынский к тому же был и автором статьи об аграрном вопросе в Риме.

В Новороссийском (Одесса) университете, как нам удалось установить, в 1869 г. была опубликована единственная работа в области романистики — труд М.Вольского, профессора-экономиста, о рабской обработке земли [58]. В разное время, и недолго, здесь работал В.И. Модестов.

В Нежине, как выяснилось, была издана только работа И.Г. Турцевича в 1902 г. о центрах и обществах земляков и иноверцев в Древнем Риме [59].

Таким образом, из предыдущего изложения можно заключить, что в России во второй половине XIX — начале XX вв. сложились два крупных центра по изучению римской истории — С.-Петербургский университет (где преимущественно изучались новые виды источников) и Московский (социально-экономическое направление), к которым тяготели учёные из других учебных заведений страны. Кроме того, в Киевском университете после ухода из него в 70-е гг. В.И. Модестова, И.В. Цветаева, М. П. Драгоманова, со смертью в 1884 г. П.И. Аландского и переориентацией интересов Ю.А. Кулаковского в область истории Византии и христианства, к началу XX в. обнаружилась тенденция к постоянному затуханию исследований римской истории. Такой же процесс шел в 90-е гг. в Новороссийском университете.

Российская историография римской и греческой античности, всеобщей истории, пройдя в период раскрытия потенциала своего третьего поколения исследователей (1-е: П.М. Леонтьев, Н.М. Благовещенский, Д.Л. Крюков, 2-е: В.И. Модестов, И.В. Помяловский, И.В. Цветаев и др., 3-е: М.И. Ростовцев, Д.М. Петрушевский, Н.И. Кареев и др.) через преодоление «геллертерства» (т.е. «мёртвой учёности»), как методологического стереотипа, пришедшего в первой трети XIX в. в Россию из Германии, благодаря её же научным школам, но и вопреки им, выработала уже на переходе 2—3-го поколений черты национальной самобытности в области методологии, оказавшиеся тем живительным источником, который стал уже явно влиять на европейскую историографию.

Западный научный мир, не воспринимавший в 1-й половине и середине XIX в. на российской почве никакой общественной науки вообще, представлявший, что в среде её академиков и профессоров наука развивается исключительно немцами, увидел с 60-х гг. XIX вв. явление российской историографии во вполне цивилизованном виде.

На складывание такого вектора развития российской историографии повлияли несколько предпосылок:

— Одна из черт российского национального характера, психологии, о чём точно высказался Н.И. Кареев, заметивший, что «исключительный национализм и отвлеченный космополитизм не в нашем духе. Мы слишком долго свыкались с чужою жизнью, чтобы отказаться от её изучения. Притом мы должны её изучать ради общественной научной самостоятельности, должны иметь свой взгляд на Запад, например, попытаться смотреть на него несколько иначе, чем он привык смотреть сам на себя, сравнивать свои дела с западными, чтобы лучше понять свои. Не в том дело, откуда брать темы, а как к ним относиться» [60].

— Образ мышления новой волны отечественных антиковедов, вышедших из среды в основном сельских священников и стойко пробиравшихся через тернистый путь получения образования в стесненных материальных условиях, но думавших при этом о благе Отечества; характерной чертой видных представителей антиковедов России 2-й половины XIX — начала XX вв. была внутренняя порядочность.

— Всплеск из недр самой России либеральных реформ, буквально взорвавший общественную атмосферу России, вызванный сочетанием освободительного общественного движения 1-й половины и особенно середины XIX в., процесса подспудной капитализации и личности императора Александра II;

— Появление возможности для возобновления заграничных научных командировок, а с ними пришли: научные школы Германии, непосредственное восприятие в Европе передовой историософской и общественной мысли, ознакомление с оригиналами источников разных видов, которые именно в это время активно стали вводиться в научный оборот; эта среда создавала новую духовную, творческую атмосферу, значительно менявшую прежде всего методологические основы исследований у наших российских предшественников. Одновременно с этим происходила ломка стереотипов в отношении исследователей античности из России, при этом не только через ознакомление с их трудами, но и через посредство личной переписки, международных исторических конгрессов, личных встреч в европейских научных городах. Российские ученые стали признаваться европейской наукой не только на равноправных началах, когда некоторые их исследования было принято считать приоритетными в некоторых областях антиковедения, но и как личные друзья.

Наука в начале XX в. была едина, её не разделяли государственные и иные границы. Н.И. Кареев писал, что «...национализировать её в том смысле, чтобы сводить её к какой бы то ни было исключительно-сти, значит разбивать единство науки, вносить в неё односторонние точки зрения. . . Опередив до известной степени Запад хоть в этом отношении, не станем же мы возвращаться вспять в то самое время, когда национальная наука на Западе стремится к тому, чего нам гораздо легче достигнуть при нашем широком воспитании» [61]. Примечательно, что два российских антиковеда О.Базинер и В. Модестов за свои научные заслуги были награждены иностранными орденами, а В.Модестов был также избран вице-президентом международного исторического конгресса в Риме в 1903 г. [62]. О признании свидетельствуют также мемуары, рецензии, переписка. К началу 90-х гг. XIX в. происходит становление антиковедения в России как самостоятельной отрасли исторической науки. Для его развития стали характерны два основных направления: социально-экономическое и культурно-историческое. Если для первого методологической основой в области изучения римских древностей становится главным образом материалистически толкуемый позитивизм, то для второго — позитивизм с доминирующим целостным подходом к исследованию истории (с точки зрения комплекса источников, изучения совместно материальных и духовных памятников культуры) [63]. Эти два направления сохраняют свое значение и в 20-е гг. (Так, проблема римского капитализма продолжает интересовать А.И. Бибикова и В.С. Сергеева; переиздаются труды по этой проблеме Г. Сальвиоли, О. Нейрата.)

В 1910-е гг. отмечается определенный спад в публикации трудов по истории Древнего Рима. Правда, и в это время традиционно сохранился интерес к социально-экономической проблематике. Более заметен спад в области источниковедения римской истории, в чем прежде российские антиковеды демонстрировали успехи, а также в области ранней истории Рима и Италии. Причин этому несколько: естественная переориентация научных интересов у ряда видных исследователей (М.И. Ростовцев, И.В. Цветаев, И.В. Помяловский, Ю.А. Кулаковский), избрание И.В. Нетушила вначале проректором, а затем ректором Харьковского университета; уход из жизни В.И. Модестова (1907 г.), И.В. Помяловского (1906), И.В. Цветаева (1913), А.Ф. Эзмана (1903); исследователи всеобщей истории Д.М. Петрушевский, И.М. Гревс, П.Г. Виноградов в центре своих интересов всегда имели Средневековье, обращаясь к античности с целью познания генезиса той эпохи [64].

Традиционное в советской историографии античности представление о 1917 году как о естественном рубеже в развитии историографии античности в России всегда воспринималось как дань официальным вкусам. Проблема рубежа между дореволюционным и советским этапами в развитии антиковедения как прежде, так и сейчас, остается недостаточно изученной и выясненной, ждет своих исследователей. При этом первое послереволюционное десяти-пятнадцатилетие действительно можно назвать переходным: некоторые из российских антиковедов дореволюционной эпохи эмигрировали, или были высла- ны (М.И. Ростовцев, П.М. Бицилли, Ф.Ф. Зелинский, Э.Р. Штерн, Р.Ю. Виппер), или продолжали работать в традиционных для них направлениях, или начали осваивать марксистско-ленинскую методологию исторического познания.

Изучая отношение отечественных антиковедов советского времени к наследию их предшественников, автору удалось установить, что самый высокий индекс цитирования у них имеют труды В.И. Модестова, затем Р.Ю. Виппера, Э.Д. Гримма, и далее В.И. Синайского, И.М. Гревса, И. В. Нетушила. А цитировали их более всего в последовательности по убывающей, причем автор учитывал только монографическую литературу, без учета статей (Ф.М. Нечай, С.Л. Утченко, А.И. Немировский, В.А. Гольдберг, И.Л. Маяк, Г.М. Лифшиц, Н.А. Машкин, В.С. Сергеев). Показательно, что наибольший интерес у советских антиковедов выявился к работам первого десятилетия XX в., когда российская романистика в целом достигла мирового уровня.

Одновременно в отечественной романистике складывались такие достаточно распространенные стереотипы: 1). Предшествующая (дореволюционная) историография — конкретно-историографическое явление определенной эпохи, составляющее уже пройденный этап для современной науки. Таким образом, использование, включая цитирование её наследия по той или иной проблеме, стало восприниматься уже не как безусловная процедура для антиковедов. Так, А.И. Зевелёв об этом заметил следующее: "...творения предшественников живут в мышлении последующих поколений в большинстве случаев в переработанном и обогащенном виде, исходя из новых требований, предъявляемых к науке" [65]. 2). Освоение формационного подхода в обстановке идейной борьбы с буржуазной историографией привело к недооценке явных достижений дореволюционной историографии в области изучения истории государственных учреждений, исследований в области истории религии и культуры. Особую ценность представляют почти не используемые сегодня работы по истории «древно-

стей», а именно: труд И.В. Нетушила «Очерк римских государственных древностей», вышедший в 3-х выпусках в издательстве Харьковского университета (1894—1902), В. Латышева «Очерк греческих древностей» (1888—1898), с таким же названием работа П. Черняева (1911). Библиографической редкостью стали ныне два перевода издания Ф. Любкера «Реальный словарь классической древности», выполненные В.И. Модестовым и коллективом Классического отделения Российской Академии наук. Можно привести также и ряд статей по теме «древностей».

Однако этот вывод может быть ещё более расширен в том смысле, что актуальное в последние десятилетия направление по изучению ментальностей, истории «повседневности», имеет своих предшественников в лице российских ученых к.ХІХ— начала ХХ вв., изучавших «древности». Этот термин имел в то время два значения: 1) собственно вещественные памятники; 2) определено А.Бёком как «история народной жизни» в противоположность истории внешней, политической. В центре её изучения стоял, как писал А.Бёк, «народный дух». Предметом изучения «истории народной жизни» были древности государственные, правовые, частные. Свою задачу исследователи древностей видели не в даче «полных ответов на предъявляемые исторической наукой общие вопросы», а в сборе и подборе материала для таких ответов [66]. Киевский антиковед П. Аландский в 1879 г. осуществил перевод и издание работы А. Бёка по теории изучения древностей [67]. В те годы мировая наука значительных результатов достигла именно в изучении древностей греческих и римских, а именно в трудах Германа, Шёмана, Жильберта, Марквардта, Ланге, Виллемса, Бузольта, Мюллера, Шиллера, Фогта, Стенгеля, Паули. На этом фоне отечественные работы по истории древностей не уступали зарубежным и тем более требуют сегодня не только обращения к ним, но и переиздания.

Забыты у нас и многие дореволюционные работы по истории идей. Это прежде всего 4-томный труд Ф.Ф. Зелинского «Из жизни идей», получивший одобрительные рецензии и несколько переизданий до революции. Это статьи варшавского профессора О.Базинера «Война и мир в классической древности», киевского антиковеда П. Бодянского о римских вакханалиях и их преследовании, статьи безвинно репрессированного профессора Б. Варнеке, исследования Л. Воеводского о каннибализме и соларном культе в греческих мифах и другие работы по греческой мифологии, профессора В. Герье об Августине, С. Жебелёва о религиозном врачевании в Древней Греции, А. Захарова «Тропы богов в древности», Е. Кагарова по идеологии греческих

мифов, М. Крашенинникова о сакральных таинствах, И. Луньяка по античной риторике и об идеях войны и мира в древности, В. Мальмберга, Ф. Мищенко по истории эллинской цивилизации, в частности его докторская диссертация «Опыт по истории рационализма в Древней Греции», статьи С. Сингалевича, Б. Фармаковского, «Из жизни высших школ Римской империи» И. Цветаева, работы П. Черняева, С. Шестакова и т.д. [68].

В связи с объявлением в 30-50-е гг. модернизаторскими тех исследований, в которых изучались нерабовладельческие уклады в экономике античности, товарно-денежные отношения в древности, в советском антиковедении оказались совершенно неразработанными вышеуказанные темы. Тем более актуальными могут сейчас стать работы дореволюционных антиковедов, в которых эти темы исследовались: совершенно забытый труд М. Кречмара «Вопрос о хозяйственной эволюции Древнего Рима», «История государственного откупа в Римской империи», М. Ростовцева его же «Капитализм в древнем мире»; «Изучение экономического быта древности» М. Хвостова и другие.

Недостаточно изучена в отечественной историографии тема социальной стратификации, структурированности общественных отношений. И при этом совершенно забыты, и не цитируются, дореволюционные работы на эту тему И. Помяловского «Эпиграфические этюды», Ю. Кулаковского «Коллегии в Древнем Риме», Л. Беркута «Устройство и управление городских общин в Римском государстве в эпоху империи», П. Куля «Провинциальные собрания у римлян. Их организация и функционирование в век принципата», И. Шиховского «О представительных учреждениях в древнем мире».

Все вышеизложенные аргументы ведут нас к представлению о том, что при отсутствии переиздания работ дореволюционных антиковедов из современного историографического пространства постепенно исчезают не только отдельные их труды, но даже и имена исследователей. В связи с этим актуальна постановка следующих проблем: в какой мере используется у нас наследие дореволюционных антиковедов, какие сложились в отечественной историографии тенденции его изучения и использования, а также сам процесс преемственности (и разрыва) в отечественной историографии античности.

КОНТРОЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Опираясь на понятия и категории, названные преподавателем в ходе анализа терминов во вводной лекции (историография, модель историографического исследования, историографический источник, историографический факт, историографическое представление и концепция, научная школа, направление исследований, метод, методология, собирание и отбор источников, критика источников, историографическая тенденция, интернационализация исследований, историографическое поколение, континуитет в историографии и др.), и на предложенный выше авторский текст с изложением основных тенденций развития дореволюционной отечественной романистики, ответьте на следующие вопросы:

1. Чем отличается процесс накопления научных знаний в области истории античности от процесса возникновения антиковедения как отрасли исторической науки?

2. В чем различие между историческим фактом и историческим источником? Приведите примеры.

3. В чем различие между историографическим фактом и историографическим источником? Приведите примеры.

4. Каковы различия характера источниковедческой работы до середины XIX в. и после?

5. Основная проблематика исследований, научные направления в области романистики в России.

6. Место германских научных школ в становлении российского антиковедения.

7. Какие поколения антиковедов Вы знаете, каковы критерии выделения этих поколений? Определите место каждого из них в историографии.

8. Назовите авторов и их работы, получившие признание в европейской науке, и объясните почему это произошло.

9. Почему из историографического пространства современной отечественной историографии стали вытесняться те или иные пласты работ в области римской истории? Кто авторы этих работ и какова тематика таких исследований.

10. Место II пол. XIX—нач. XX вв. в развитии отечественной романистики в общем ходе изучения истории Древнего Рима в России.

11. Дореволюционная российская романистика и её место в европейском антиковедении.

12. Какие из исторических концепций дореволюционного времени не утратили и сегодня своего значения для конкретно-исторических работ и почему?

ЛИТЕРАТУРА

1 (а). Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XII—XV вв. М.: Наука, 1973. 476 с.; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVII—первая четверть XVIII вв. М.: Наука, 1976. 454 с.; Алпатов М.А. Русская историческая мысль и Западная Европа: XVIII— первая половина XIX вв. М.: Наука, 1985. 262 с.

(б). Там же; Атласов Г.В., Жигунин В.Д., Константинова А.Д., Шофман А. С. Историография античности: Античность и XVIII век. Вып. 1. Казань, 1974. 96 с.; Кожемякин П.Г. Русская историография античности первой трети XIX в: На основании дворянской и буржуазной историографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1981. 28 с.; Модестов В.И. Русская наука в последние двадцать пять лет: Публичная лекция, прочитанная 17 апреля 1890 г. в актовом зале Новороссийского университета, по случаю двадцатипятилетия университета, орд. проф. В.И. Модестова. Одесса, 1890: (Экон. тип.). 27 с.; Нагуевский Д.И. О главнейших эпохах в развитии древнеклассической филологии. 2-е изд. Казань, 1984: (тип. М.А. Гладышевой). 29 с.; Фролов Э.Д. Русская историография античности (до середины XIX в.). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. 143 с.; Черняев П.Н. Материалы для истории развития классической филологии в России. Казань: Гимназия, 1899. Вып. 1. С. 1—10; Черняев П.Н. Пути проникновения в Россию сведений об античном мире в связи с краткой характеристикой лиц, пролагавших эти пути // ФО. 1910. Вып. 6. С. 858—885.

2. Модестов В.И. Русская наука... С. 6.

3. Модестов В.И. Н.М. Благовещенский // Историческое обозрение. 1892. Т. 5. С. 1—16; Модестов В.И. Благовещенский Н.М. // Краткий биографический словарь русских писателей и учёных С.А. Венгерова. СПб., 1892. Т. 3. С. 330—343; Мадиссон Ю. Молодой Куторга: К вопросу о возникновении русской исторической науки об античности // Труды Тартуского гос. ун-та. Вып. 43. Таллинн, 1956; Кожемякин П.Г. Указ. соч.; Плотникова Е.Ф. Римская история в трудах Т.Н. Грановского и С.В. Ешевского: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1956. 16 с.

4. Далин В.М. Люди и идеи: Из истории революционного и социалистического движения во Франции. М.: Наука, 1970. С. 358—359.

5. Помяловский И.М. Николай Михайлович Благовещенский // ЖМНП. 1892. № 9. С. 29.

6. Там же.

7. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. 3-е изд. Пг., 1915. С. 302.
8. Там же.
9. Цветаев И.В. Н.М. Благовещенский // ФО. 1892. Т. 2. Кн. 1. С. 95.
10. Там же. С. 96.
11. Модестов В.И. Н.М. Благовещенский // Историческое... С. 8.
12. Пропилеи: Сборник статей по классической древности. В 6 вып. М., 1851—1856 гг.
13. Модестов В.И. Благовещенский Н.М. // Краткий биографический... С. 332.
14. Пропилеи...
15. Кожемякин П.Г. Указ соч.
16. Бекштрем А.Г. Из области этрускологии // ЖМНП. 1907. № 7. С. 315—362; № 8. С. 363—382; № 9. С. 432—445.
17. Модестов В.И. Русская наука... С. 11.
18. Там же; Шофман А.С. Изучение античной истории в Казанском университете. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1956. 28 с.; Историография античной истории / Под ред. В.И. Кузищина. М.: Высш. шк., 1980. 415 с.; Очерки истории исторической науки в СССР. В 5 т. М: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 2, 1960. 862 с.; Т. 3, 1863. 831 с.; Немировский А.И. и Романова И.И. Вопросы римской истории в «Филологических записках» // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1963. С. 208—210; Алесковская О.Б. Римский аграрный вопрос в русской историографии XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1951. 309 с.; Моисеева Т.А. Русское дореволюционное антиковедение и эпиграфические памятники: Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 1974. 231 с.
19. Кулаковский Ю.А. Коллегии в Древнем Риме. Киев, 1882: (унив. тип.). 137 с.; Драгоманов М.П. Политические сочинения / Под ред. проф. И.М. Гревса и Б.А. Кистяковского. М., 1908: (тип. тов-ва И.Д. Сытина). Т.1. С. XXXII. 486. С. LIV; Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: Методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. С. 63; Протоколы собраний историко-филологического факультета за 1903 г. ЛГИА, ф. 14, оп. 3, д. 16085, л. 7.
20. Скржинская Е.Ч. И.М. Гревс: (биографический очерк) // Гревс И.М. Тацит. М.—Л., 1946. С. 233.
21. Модестов В.И. О Германии: Наука, школа, парламент, люди, стремления. СПб., 1888: (тип. В.С. Балашова). С. 27—42, 296.

22. Модестов В.И. Заграничные воспоминания // Исторический вестник. 1888. Т. 2. С. 388; Помяловский И.В. Филологическая семинария проф. Гаупта в Берлине в зимний семестр 1869/1870 гг. // ЖМНП. 1870. № 5. С 18—38.

23. Модестов В.И. Заграничные... С. 388; Помяловский И.В. Филологическая семинария...

24. Фельсберг Э. Братья Гракхи. Юрьев, 1910: (тип. К. Матиссен). С. V.

25. Модестов В.И. Заграничные... С. 392.

26. Там же. С. 394.

27. Каган Ю.М. И.В. Цветаев: Жизнь. Деятельность. Личность. М.: Наука, 1987. С. 26.

28. Помяловский И.В. Филологическая семинария...

29. Модестов В.И. Учёная жизнь в Риме // ЖМНП. 1892. №3. С. 336.

30. Синайский В.И. Подушный надел в Древнем Риме. Юрьев, 1907: (тип. Матиссен). С. 3.

31. Модестов В.И. Заграничные воспоминания. . . С. 104.

32. Холодняк И. Помяловский И.В.: Некролог // ЖМНП. 1906. № 11. С. 21.

33. Модестов В.И. Русская наука... С. 12.

34. Модестов В.И. Римская письменность в период царей: Исследование В.И. Модестова. Казань, 1868. С. III.

35. Там же.

36. Там же. С. II.

37. Модестов В.И. Введение в римскую историю: Вопросы доисторической этнологии и культурных влияний в доримскую эпоху в Италии и начало Рима. СПб., 1904. Ч. 2. С. XI—XII.

38. Модестов В.И. Скептицизм в римской истории: Речь, произнесенная перед началом докторского диспута. Казань, 1869: (тип. унив.). С. 7—8.

39. Дело о докторском испытании гг. Модестова и Угянского. ЦГА РТ, ф. 977, оп. ист.-фил., д. 982, л. 27—39 с об.

40. Нетушил И.В. Краткое обозрение разработки римской истории: Приложение к «Обзору римской истории». 2-е изд. 1916 // Записки Императорск. Харьковск. ун-та. 1916. Кн. 2 и 3. С. 9.

41. Кулаковский Ю.А. К вопросу о начале Рима.- Киев, 1888: (тип. Имп. ун-та св. Владимира). С. 33.

42. Нетушил И.В. Краткое обозрение... С. 13; Модестов В.И. Введение в римскую... СПб., 1902. Ч. I. С. 11; Ростовцев М.И. Предисловие // Низе Б. Очерк римской истории и источниковедения / Пер.

с 3-го нем. изд. для слушательниц Высших женских курсов. 2-е изд. СПб., 1908: (Изд-во т-ва Общая польза). С. VI.

43. Цветаев И.В. Сборник осских надписей с очерком фонетики, морфологии и глоссарием. Киев, 1877: (тип. ун-та св. Владимира). С. III.

44. Там же. С. III—IV.

45. Цветаев И.В. Путешествие по Италии в 1875 и 1880 гг. - М., 1883: (Изд. книгопродавца А.Л. Васильева). С. 9.

46. Там же. С. 14—15.

47. Там же. С. 181—182.

48. Письма О. Марукки И.В. Цветаеву (1898—1899). Рим (на франц. яз.). Архив ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 1990, 1991, 3 л.

49. Архив ГМИИ, ф. 6, оп. 1, ед. хр. 5—12, 192, 368, 374, 492, 746, 1028, 2544, 2643, 4326.

50. Мягков Г.П. Указ. соч. С. 71.

51. Нетушил И.В. Очерк римских государственных древностей. I. Государственное устройство Рима до Августа. Вып. I и II. Харьков, 1902: (тип. А. Дарре). 778 с.; Вып. III. Харьков, 1902: (тип. М. Зильбергер и сыновья). 778 с.

52. Модестов В.И. Римская письменность...

53. Модестов В.И. В Казани и в Киеве (1867—1877): отрывок из воспоминаний // Исторический вестник. 1885. Т. 12. С. 602—615.

54. Дело о присуждении Н. Мухину звания доктора церковной истории. ЦГИА Украины, ф. 711, оп. 3, д. 3911.

55. Модестов В.И. Н.М. Благовещенский // Краткий биографический... С. 332.

56. Алексеев С.И. К долговому вопросу в Риме // Записки Общества истории при Варшавском университете. Вып. 3. С. 107—150; Белоруссов М. Колонат: Очерк возникновения римского крепостного права. Варшава: Б.И., 1903. 84 с.

57. Беркут Л.Н. Устройство и управление городских общин в Римском государстве преимущественно в эпоху империи: Историко-юридический очерк. Варшава, 1912: (тип. Варшавск. учебн. округа). С. 39—40.

58. Прошение попечителя Одесского учебного округа Министру народного просвещения об утверждении М. Вольского орд. профессором кафедры политэкономии и статистики Новороссийского университета. ГАОО, ф. 42, оп. 35, д. 65, л. 119; Вольский М.М. Рабская обработка земли. Одесса, 1869: (тип. П. Францова). 296 с.

59. Турцевич И.Г. *Orbis in Urbe*. Центры и общества земляков и иноверцев в императорском Риме I—III вв. Нежин, 1902: (тип. М.В. Глезера). (2). 80 с.

60. Кареев Н.И. О духе русской науки (Лекция, читанная 9 ноября 1884 г. в Русском собрании в Варшаве) // *Русская идея*. М.: Республика, 1992. С. 180.

61. Там же. С. 182.

62. Дроздов Н.М. Памяти профессора В.И. Модестова: Очерк жизни и учёно-литературной деятельности его // *Труды Киевской духовной академии*. 1907. № 6. С. 235; О награждении некоторых лиц иностранными орденами. ЦГИА РФ, ф. 123, оп. 150, д. 828.

63. Летяев В.А. Проблема научных направлений изучения римских «древностей» в России // *Среда, личность, общество: Докл. конф. РАН*. М., 1992. С. 229—230.

64). Подробнее об этом: Летяев В.А. *Российская историография об античном Риме (II половина XIX — начало XX вв.)*: Дис. ... канд. ист. наук. Казань, 1989.

65. Зевелёв А.И. *Методология и метод в историографическом исследовании* // *Проблемы истории русского общественного движения и исторической науки*. М., 1981. С. 168.

66). *Энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон*. Т. 21. СПб., 1893. С. 142—143.

67). Бёк А. *Энциклопедия и методология филологических наук*. Киев, 1879.

68). См. Летяев В.А. *Методические материалы для изучения Российского дореволюционного антиковедения*. Волгоград, 1990.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения

ИВ — Исторический Вестник

ФО — Филологическое обозрение

ФЗ — Филологические записки

ЦГИА РФ — Центральный государственный исторический архив
Российской Федерации

ЛГИА — Ленинградский государственный исторический архив

Архив ГМИИ — Архив государственного музея изобразительных
искусств им. А.С. Пушкина

ЦГА РТ — Центральный государственный архив Республики Та-
тарстан

ЦГИА Украины — Центральный государственный архив Украины

ГАОО — Государственный архив Одесской области

Составитель В. А. ЛЕТЯЕВ

**ДРЕВНИЙ РИМ В РОССИЙСКИХ
ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ**
Учебно-методическое пособие к спецкурсу для студентов
специальности «История»

Подписано к печати 20.09.93 г. Формат 60x84 1/16.
Бум. офс. Печать офс. Усл. печ. л. 1,9. Уч.-изд. л. 2,0.
Тираж 300 экз. Заказ 428. С. 48.

Издательство «Перемена»
Типография издательства «Перемена»
Волгоградский государственный педагогический университет
400012. Волгоград, пр. им. В. И. Ленина. 27